

Memento mori

Начинает обычно издалека,
Долго руку в ночи заносит:
То соседский ребёнок объестся лекарств,
То разбросан состав на откосе.

Подкрадётся вплотную, прихлынет вдруг,
Полыньи свои разверзая:
То из комы гулять не выходит друг,
То подруга лежит босая.

Ледяная, куда тебя целовать?
Как условились люди об этом?
В лоб? А в щёку? Пустая твоя голова
Вся теперь – остывшее лето.

И последний шаг остаётся ей,
Расстоянье уже в полслова.

обглодала и висельников, и царей
И всецело ко мне готова.

Коридоры зеркальные вглубь больниц
Простираются: то надежды
Отражая посадочные огни,
То словечки *умру*,
отрежут.

Детское

Заблудившись друг в друге, как в снежном
лесу,
И друг в друга вмерзая - не выговорить -
Люди добрые крутят назад декабри
И, дойдя до предела, про детство несут

Несусветную чушь, акварельный бред,
Словно вместо нутра у них калейдоскоп
Продырявленный, сыплющий всюду с тоской
Горсти дней карамельных и солнечных лет.

Я в четыре на море кромсала медуз,
А я в восемь стрелял у грузинских солдат
Сигареты, а я попросила мне дать
Роль танцующей белочки в детском саду.

Этот шрам на груди - это велосипед.
А мне дверью заехало по голове.
Нас пугали маньяки. А нас - человек,
Во дворе певший песенку сам по себе,

Пауки, чёрный пудель, английский фольклор,
ВИД и то, что однажды все просто умрут.
Всё разбилось, и ринулась прыткая ртуть,
Я был в девочку в синем тревожно влюблён.

Снилась страшная маска на красном балу,
И всё это задолго до По и других.
Ты следил, чтоб вставать только с той ноги?
А ты делала домик в углу?

...углубляются в лес, рассыпая кругом
Разноцветные искры, секреты и смех,
Полчища деревянных игрушечных змей,
Скандинавские сказки, заброшенный дом.

Углубляются в лес, и смыкается ночь.
В темноте, где руке не нащупать руки,
Подступают болотные огоньки.
Люди добрые, что теперь делать одной

С этим грузом, сокровищем, болью, ярмом,
С этим детством чужим, пропитавшим насквозь
Горькой пеной морской, колокольной Москвой,
Апликацией, танцами, вольной борьбой?

С этой рифмой плохой на обрыве сидеть,
Свесив ноги - над белой страницей в ночи.
След из стёклышек тянется, мальчик кричит -
От того, что он это и есть людоед.

Крыша

Там, где заканчивался дом,
В сиявший пустотой проём
Горячим чёрным лепестком
Влетела крыша.
Наш молодой и пёстрый сброд
Сорвал печать, ушиб ребро
И выразился серебром
И взял и вышел.

Летело небо мимо нас,
Катилась кубарем весна,
Воркуя, лился лимонад
В настойку с перцем...
Спешили к краешку слова,
Ходила кругом голова,
И в сердце пламенный провал –
В огромном сердце.

Всё витражами застеклил
Закат, не трогавший земли,
И то, что надорвать могли,
Мы надорвали.
Я, свесив кеды, на краю –
Нагретом облаке в раю –
Но вот шумят, грозят, снуют,
Ребята, валим.

И мы свалились и летим,
Не раскрывается наш стих,
Лишь неисправно шелестит
Он, весь запутан...
А до земли подать рукой,
Во рту катая языком
Молчанья золочёный ком –
Таблетку будто.

Остранение

А перед сном притаскивают мне
Дырявой памяти худые сети,
Как в школе музыкальный кабинет
Располагался в бывшем туалете.

На входе вместо раковин скрипел
Огромный, нотным жемчугом набитый

Сервант. Во всей повешенной толпе
Мне нравился Бетховен композитор.

Туда, где унитазам трём стоять
Предписывал характер помещенья,
Вписалось фортепьяно, стул и я,
Барахтаясь на странной этой сцене.

Учительница лилией цвела
В оставшемся пространстве санузла
И колыхалась волнами в дремоте,
Приоткрывая глаз на скверной ноте.

Отпущенное время истекло,
Но музыки полно нечто иное:
Окно закрашено, белым-бело,
И мой сурок со мною.